

Классный руководитель с улыбкой подшучивал над ним, говоря, что теперь, когда за ним никто не следит, он всё равно не заводит романов.

Хань Чжоу вспомнил шумные моменты с одноклассниками, и его лицо, освещённое солнцем, выражало полное удовлетворение жизнью.

Дорога была не короткой, и в полдень Хань Чжоу уже начал клевать носом. Однако, вспомнив, что он уговорил Цзинь Шуаня сопровождать его на блошинный рынок, а тот сам ведёт машину, он счёл неудобным засыпать. Поэтому, собравшись с силами, он начал болтать на разные темы.

— Ты говорил, что покупал картины моего брата. Тогда ты связывался напрямую с дядей Гуанмао или купил их у кого-то другого? — спросил Хань Чжоу.

— На аукционе в США, — ответил Цзинь Шуань, держа руль.

Его зрачки сузились, когда он вспомнил свои чувства при виде той снежной сцены.

— В тот день я просто сопровождал кого-то, но когда увидел снежный пейзаж Хань Дуна, он мне так понравился, что я решил купить.

Не просто понравился — это было настоящее потрясение.

Тогда картина Хань Дуна с изображением снега стала главным лотом аукциона, вызвав восторг у всех присутствующих.

На самом деле, этот уже знаменитый восточный художник всегда вызывал у многих скептические взгляды.

Они считали, что Хань Дун использует «исчезновение» для придания своим работам таинственности, намеренно снижает объём производства, чтобы создать дефицит и поднять цены. К тому же у него был агент, мастерски раздувающий шумиху, и брат, умеющий ловко вести дела. Всё это неизбежно заставляло людей думать, что Хань Дун — всего лишь любитель пустой славы.

— Тайна моего брата действительно добавляет ценности его работам, — не стал отрицать Хань Чжоу, откровенно говоря. — Некоторые из этих слухов не лишены смысла. Если бы не дядя Гуанмао, возможно, ни «Снежный святой», ни «Великий отшельник» не были бы так известны. В наше время уже не работает поговорка «Хорошее вино не боится глухого переулка».

— Это правда, — согласился Цзинь Шуань, поворачивая руль и съезжая с главной дороги в переулок.

Это был короткий путь, и яркий солнечный свет, проникая в переулок, становился мягче и прохладнее.

— Хань Дун с самого начала сотрудничал с этим агентом?

— Нет, — покачал головой Хань Чжоу.

Он замолчал на мгновение, словно перебирая в памяти прошлые дни. Это было время, которое не вызывало особой радости.

Согласно словам Хань Чжоу, Хань Дун с ранних лет проявил удивительный талант. Когда семья впервые осознала, что его картины можно продавать, за их продвижение взялся отец Хань.

В то время арт-индустрия только начинала оправляться от глобального спада, а в Азиатско-Тихоокеанском регионе она развивалась с опозданием. Внутренняя торговая среда не была столь упорядоченной, как сейчас, а у отца Хань не было ни опыта, ни связей, поэтому он часто сталкивался с обманом и неудачами.

— В то время «Хань Дун» ещё не был знаменит, и его работы не продавались за баснословные суммы, как сейчас, — почесал бровь Хань Чжоу. — Помню, однажды галерея выставила его картины на аукцион, намеренно завывсив цены. Кто бы захотел платить большие деньги за работы начинающего художника? Естественно, они не нашли покупателя.

— Затем галерея держала эти картины у себя, повторяя эту процедуру несколько раз, пока не довела их стоимость до ожидаемого уровня. После этого, слегка снизив цены, они легко их продали. На первый взгляд, кажется, что это хорошо, когда кто-то помогает поднять стоимость. Но мы получали деньги только после того, как покупатель окончательно расплачивался, а в промежутке в несколько месяцев или даже лет мы не могли продать картины самостоятельно из-за соглашения о выкупе.

— И, знаешь, — Хань Чжоу наклонился в сторону Цзинь Шуаня, — мы получали лишь долю от первоначальной цены на аукционе, а разницу забирала галерея.

— В то время наша семья жила небогато, а материалы для рисования были дорогими. Я даже думал пойти собирать мусор, — Хань Чжоу чуть не рассмеялся, вспоминая это. — Позже, когда мы познакомились с дядей Гуанмао, ситуация начала улучшаться.

Цзинь Шуань взглянул на него. Говоря об этом, Хань Чжоу иногда хмурился, но в его глазах не было сильных эмоций, словно он рассказывал о давно минувших событиях, которые когда-то вызывали чувства, но теперь стали частью прошлого.

Хань Чжоу расслабленно откинулся на сиденье, в его глазах всё ещё была сонливость. Когда их взгляды встретились, он не отвёл глаз, а лишь моргнул и слегка кивнул.

Цзинь Шуань мало что знал о семье Хань Чжоу, о его родителях. Он мог только слушать, изредка задавая вопросы.

— Ты стал общаться с Сюй Гуанмао вместо отца только после поступления в университет?

— Да. Кстати, дядя Гуанмао сразу же стал относиться ко мне как к другу. Хотя он старше меня на поколение, он с первого знакомства обращался со мной как с ровесником. Вначале мне это было непривычно.

Говоря это, Хань Чжоу смотрел в окно. Высокие здания постепенно сменялись старыми малоэтажками. Это было свидетельством смены эпох и доказательством того, как люди отдаляются друг от друга. Время идёт вперёд, а человеческое тепло между соседями постепенно исчезает.

Машина быстро добралась до места назначения, и шум с рынка разбудил почти заснувшего Хань Чжоу.

Они припарковались и направились ко входу.

— Раньше здесь был стихийный рынок, но из-за беспорядка его преобразовали в организованный, — Хань Чжоу поднял голову, глядя на старую красную вывеску. — Когда я был беден, я часто бывал на блошиных рынках и даже думал, что проведу всю жизнь в таких

местах.

Он повернулся к Цзинь Шуаню:

— Ты ведь здесь никогда не бывал?

Цзинь Шуань, конечно, не бывал. Его бежевое пальто было безупречно чистым, осанка прямой, а глаза словно не замечали пыли. Такой человек, привыкший к роскоши, не имел ничего общего с понятиями «дёшево», «старьё» или «хаос». Старинные вещи в его доме, судя по их состоянию и качеству, были дорогими антиквариатами, а не купленными в таких местах.

Но Хань Чжоу был рад. Он не знал, где находятся дорогие антикварные рынки, и просто хотел показать Цзинь Шуаню свою прошлую жизнь.

Эх, этот Цзинь Шуань, как же он хорош, да ещё и красив. Вот это пальто, например, на ком-то другом выглядело бы простовато, а на нём смотрится так элегантно. Хань Чжоу покачал головой. Такой красивый человек стал его другом, сам приглашает его на обед, улыбается ему и даже соглашается сопровождать на блошинный рынок. От одной мысли об этом становилось радостно.

Хань Чжоу был настолько охвачен внезапным счастьем, что даже не услышал, как Цзинь Шуань сказал, что бывал и в более хаотичных местах.

Они бродили по рынку. Городская теснота сжимала блошинный рынок, но поток посетителей оставался большим, особенно среди пожилых людей. Они, одетые в пуховики, выбирали товары на прилавках, болтали и сравнивали цены под сухими ивами, наслаждаясь моментом.

Хотя это был блошинный рынок, здесь было много новых вещей. Но Хань Чжоу предпочитал старьё, ведь если бы он хотел что-то современное, он бы сюда не пришёл.

Впереди был прилавок со старыми книгами. Хань Чжоу присел на корточки и начал рыться в куче ярко оформленных комиксов. Он поднял одну из книг, «Куайлинь», и показал её Цзинь Шуаню:

— Ань-ге, ты ведь читал такие книги?

— Читал, — ответил Цзинь Шуань, взяв книгу.

Она была в хорошем состоянии, хотя годы оставили на ней следы. Истории внутри состояли из комиксов, сопровождающихся текстом.

Он видел такие книги и был свидетелем их расцвета и упадка.

В итоге Хань Чжоу купил две книги за пятнадцать юаней: «Куайлинь» и «Неряшливый король».

— Эти подержанные книги теперь дороже, чем новые в своё время, — сказал Хань Чжоу, взвешивая в руке две небольшие книги.

Они подошли к музыкальному магазину, и он оглянулся на Цзинь Шуаня, который немного отстал. Хань Чжоу протянул руку и взял его за руку:

— Я видел у тебя дома пианино. Ты разбираешься в музыке?

— Разбираюсь, — ответил Цзинь Шуань.

Хань Чжоу рассмеялся:

— Это хорошо, ведь я не разбираюсь.

Его рука всё ещё лежала на руке Цзинь Шуаня, и тепло от неё быстро передалось в грудь. Цзинь Шуань почувствовал, как его спокойная кровь закипела, разливаясь от сердца по всему телу.

<http://bllate.org/book/15564/1415521>